

«Седьмая. Фацетия» Валентина Екабсона

Борис Инфантьев

В самый разгар формирования независимой и демократической республики, а именно в 1997 году, латышский писатель Валентин Екабсон печатает в журнале «Карогс» пьесу под заглавием «Седьмая. Фацетия» («Septītā. Facēsija»). «Седьмая» — это седьмая палата в больнице, по аналогии с чеховской «Шестой палатой», где лечатся и латыши, и русские. 1997 год — седьмой год формирования независимой демократической Латвии, со всеми ее проблемами, складывающимися между латышами и русскими. Приводим фрагменты из этой «Фацетии» с соответствующими комментариями.

Стр. 30.

Боцман:

— Я здесь, в Латвии, прослужил все годы службы во флоте. В Лиенае. Охранял государственную границу. Заслужил награды. После службы здесь же бросил якорь — в те времена Балтику считали культурной областью. Ей Богу. Двадцать пять лет я здесь прожил, как среди своих. Но гражданства мне не дают, не дают.

Следует реплика находящегося тут же рядом латыша:

— Жили как среди своих, а еще до сего времени не знаете ни слова по-латышски.

— Что там скрывать, по-латышски не знаю. *Labrīt, labvakar, paldies, lūdzu, brauksim uz krogi* — это все. Исправлюсь.

Стр. 39.

Праулс:

— В Гулаге мы стихами противились оболваниванию, угнетению и унижению. Книг не было. Случались товарищи, которые знали наизусть много стихов. Они читали Блока, Белого, Мандельштама, Ахматову, Цветаеву и многих других. Были такие, кто знал наизусть всю «Пиковую даму» и «Евгения Онегина».

Стр. 41.

Боцман:

— Скажите, тот человек был наш, русский?

Праулс:

— Да, он был русский. Очень образованный человек.

— И он был вашим другом? Так вы сказали?

— Да. Хороший товарищ и хороший друг.

— Так выходит, что с русским можно хорошо жить вместе, разве не так? Можно?

— Можно, разумеется. Очень хорошо можно. В Москве живет не один мой друг. И в Петербурге.

— Так почему же...

Стр. 43.

Боцман:

— Арест (новый персонаж), я вас уважаю. Если что, зовите на помощь. Жору. Жору Нарышкина.

Стр. 48.

Жора Нарышкин:

— Вы говорили, что у вас русские друзья. Что с русскими можно жить вместе. Так ведь?

Праулс:

— Говорил. Говорил, что иной русский мо-

жет быть, как говорил Тит Ливий, — «Большая часть лучше, чем лучшая часть».

— Если можно ужиться, то русский — неплохой, так сказать — неплохой. Только почему же ваши латыши нас не любят?

— Любовь и сожительство — разные вещи. Из чего вы делаете вывод, что вас не любят?

— Из чего? Из многого. Меняют наши названия улиц, обзывают нас оккупантами, в таком духе.

— Вы должны помнить, что здесь произошла колонизация свободного государства и русификация латышей с целью подавить латышский стиль жизни. Но денационализация может произойти только в условиях оккупации.

— Какой я оккупант! Я здесь служил, защищал границу.

— Какую границу?

— Здесь. Эту. Вашу.

— Наши границы? Действительно наши? Латвии?

— Ну, так сказать — общие, ваши и наши, Эсэсэсэр.

— Так разве это не оккупация, если непрощенная армия охраняет границы другого государства?

— Почему другого государства? Вы были советскими, вы тоже были эсэсэсэр!

— Мы в это эсэсэсэр были вогнаны обманом и насилием. Только оккупанты делают вид, что не понимают факт оккупации.

— Тогда латыши сами просили, чтобы их приняли в эсэсэсэр, полистайте газеты.

— Жора, вы с серьезным видом говорите глупости. Ложь. Но эти глупости вы говорите только потому, что хотите как бы законно обосновать свою жизнь в чужой стране.

— Это правда, раз она напечатана.

— Удивительно, что еще в наше время даже просвещенные люди верят в особое назначение... русской нации, которая должна спасти против воли спасаемых. К тому же они все мечтают о Великой России. Такое стремление называется шовинизмом. Коммунисты это проявление скрывали под красным знаменем трудящихся мира.

— Мы никогда не были шовинистами. Никогда. Если русского человека оставлять в покое — то это турок или татарин, или немец. Об этом свидетельствует дружба советских народов. Где вы еще такую видели?

— Видели. Это вы правильно сказали. Сна-

чала русская армия вторглась в чужую страну, поставила своего наместника и затем говорит: «Будем жить в дружбе». Как только ружье от груди народа отнимают, великая дружба исчезает.

— Эти земли всегда принадлежали России. Со времен александров, николаев, елизавет. Других земель нам не нужно.

— Старый анекдот: один русский — хороший человек, двое — шовинизм, трое — империализм. Царские и советские империалисты завоевывали земли огнем и мечом, убивали миллионы свободных людей. На колоколах латвийских храмов можете прочесть запись: «Боже, спаси нас от московитов и чумы».

— Все великие государства когда-то воевали, все что-то завоевывали. И это происходило не без пролития крови.

— Именно так. Раньше завоевывали, теперь это называется оккупацией. Это международное обозначение.

— Но я ведь не был завоевателем. Большевики на вас напали еще до моего рождения. Разве в этом виноват я и русский народ? Коммунистический террор русский народ уничтожал не в меньшей степени, чем латышей и всех других. Еще больше. Поэтому ваши упреки несущественны.

— Вы заблуждаетесь. За беззаконие советского времени должны отвечать русские. Исполнителей должен судить международный трибунал, а народ должен отвечать перед Богом и своей совестью. Народ должен покаяться в содеянных грехах так, как это сделали немцы, которые осудили коричневую чуму, свое участие в ее делах.

— Как вы можете немцев сравнивать с нами? Русские избавили вас от фашизма. Избавили Европу от рабства, от ига! Немцы были угнетатели, мы — освободители.

— Вот я слышу шовиниста!

— Разве это неправда?

— Послушайте, что о своем народе сказал Александр Блок:

Нас много,
От нас темнеет поднебесье.
Приходите и станьте все рядом.
Да, скифы мы
С раскосыми глазами.
Да — азиаты мы.

Настоящий освободитель освобождает, а потом уходит восвояси. К тому же вам следовало бы знать то, что Вторую мировую войну

подготовил Сталин. Его цель была — завоевать Европу, к тому готовились испокон веков.

— Вы забыли те миллионы, у которых немцы отняли жизнь, тех, кого фашисты бесчисленно уничтожали.

— Нет, я их не забыл. Но я помню и то, что коммунисты так же зверски замучили гораздо больше. В мировой истории больше таких подвигов нет. И я надеюсь, что больше никогда не будет.

— В этом вы правы. Но почему гражданство не присуждают Малюте? Он в Латвии родился! Родился здесь, а гражданства нет.

Стр. 52. Читает стихи Гумилева в своем переводе.

Клянется он Мадонне

Клянется он Мадонне святой,
 Что будет ей верен и правдив
 Своей избранной даме,
 Той, взгляд которой неумолим.
 Той, взгляд которой неумолим.
 Забыв о том, что говорил в ту ночь,
 Любовь он раздает бездумно,
 В попойке произнесенный, он приходит
 Перед двери Рая.
 — Разве ты не обещал свято
 Служить верно и свято?
 Своей избранной даме?
 Той, у которой взгляд непреклонен?
 Пошел вон! Не такую поросль
 Стремится убрать властитель единый.
 Тот, кто нарушил клятву,
 Не достоин Царства Божия.
 На колени встав перед Святой
 Строптивый, но на словах правдивый:
 Такой избранной дамы
 Нет, у которой недоступный взгляд.

И это Гумилев.

Стр. 74.

Снова спор о гражданстве.

Стр. 94.

Дискуссия с Маркизом (предпринимателем-бизнесменом).

— Латыши хорошо послужили Ленину. Победу большевиков обеспечили ваши стрелки. А вы все жалуетесь на государство коммунистов, которое сами создали.

— Это удивительное утверждение. Нигде, никогда несколько стрелковых полков не могли победить империю. Я бы постыдился высказывать такую возможность. Но надо го-

ворить о «Страшном годе», 379 дней в 1940 — 1941 годах, когда латышам заткнули глотку, когда один за другим люди исчезали. Народ говорил: «Русская эпоха».

— В России также господствовал террор, мы страдали дольше и тяжелее, чем вы.

— Это была часть вашей жизни. Но поэтому вы не должны удивляться тому, что впоследствии два латышских легиона на стороне немцев боролись с Красной Армией. Многие офицеры, которые в Первую мировую войну верно служили царю и России, во время Второй мировой войны воевали против русских. Парадокс? Нет. Это был выбор «меньшего зла».

— Для русского характера это неприемлемо.

— Разве в великой армии генерала Власова не было ни одного русского?

— У вас две машины, квартира на улице Альберта. И вы считаете себя униженным?

— Я не говорю о себе, у меня всего вдоволь. Я говорю о большей части русских.

— О русских или о русскоязычных меньшинствах?

— О русских и обо всех других. О тех, кто пришел из России.

— Из Советского Союза?

— Из Федерации.

— Вы защищаете татар, башкир, украинцев, армян, черкесов, эвенков, азербайджанцев, узбеков, казахов, остяков и якутов? Почему вы не защищаете латышей?

— Что вас защищать? Вы здесь хозяева. За счет других.

— Нет, счета ваши, русские счета, и они стары, как мир. Они показывают «разделяй и властвуй». В Латвии вы защищаете чеченцев, в Чечне — латышей.

— Мы защищаем слабых. Это у русских в природе.

— В природе русских — господствовать над кем-нибудь.

— Это неправда!

— А вы настоящий русский?

— Самый настоящий. У Изюмовых древние корни.

— Так вы, конечно, патриот?

— Несомненно.

— Если бы я был русским, к тому же патриотом, я давно бы уехал отсюда и жил бы в России. На своей родине. А вы не едете. И Родина не зовет вас, своих детей! Почему так? Почему родина забывает о своих детях?

— В деревне мне нечего делать. Там скучно. А в городе очень грустно.

Стр. 107. Пьяная попойка.

— Ишь ты, дурак, не понимаешь, что наша Рига полна силы, чтобы вас смолоть на колбасу? Бывшие афганцы, десантники, моряки... Амуниции и взрывчатки у нас кучами, смотри — сколько хочешь... Этим парням надо только свистнуть, и все важнейшие узлы будут в их руках. И затем быстро танкисты из Пскова придут, — (Маркиз)

Иленс:

— Наши танки быстры!

Маркиз:

— За два часа с вами будет покончено. Плюрит со всей республикой. И со вторым Ульманисом!

Янис:

— И там вы хотели закончить войну в два часа — Солсет.

Стр. 115. Читает Ходасевича.

Шуршит под ногами, скользит и звенит,
Ветер начинает веять, снега снежат.
Владыко, так грустно мне.
Великий Бог, так тяжело на сердце!

Стр. 116. Разговор в сумерки, 1997.

Валентина Екабсона иннервирует Янис Рокпелнис.

Стр. 120. Юлиан Тарковский, чекист, разведчик, ученик в ГУЛАГе Яниса Медениса.

Ю. Тарковский Янису Меденису.

Мой милый друг! Сегодня я ликую:
Добился своего. Счастлив и торжествую.
Она, шумя, не шла все в руки мне.
Я начал бредить ей, как днем, так и во сне.
Порой стал засыпать, о ней одной мечтая.
Сонетов не писал, от нетерпенья тая,
Страдал, как и всегда, когда бывал влюблен.
И наконец-то был роскошно награжден.
А вы, мой милый друг, вели себя как сводня,
Что масло льет в огонь. Благодарю сегодня
Я вас за то, весьма. Она уже сдалась.
Послушною строкой покорно улеглась.
Я счастлив так сейчас, как будто впал я в
детство,
Увидев, что отказ ее — одно кокетство, и что,
хотя не дожил еще я до седин,
Балладу написал за номером один.

